

А. А. Руденко

РОССИЙСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ СВЯТОГО ИОАННА БОГОСЛОВА,
МОСКВА, РОССИЯ

Изменение конфессиональной политики позднего СССР: причины и последствия

Аннотация. В статье анализируется изменение государственной конфессиональной политики позднего СССР, его причины и последствия. На основе архивных материалов продемонстрированы существенные сдвиги в государственно-церковных отношениях, произошедшие в канун тысячелетия Крещения Руси и после официальных торжеств. Проанализированный материал позволяет утверждать, что ослабление государственного давления на Церковь было продиктовано политическими мотивами советского руководства, однако запущенные в конце 80-х годов XX века процессы либерализации государственно-церковных отношений стали основой для кардинального пересмотра роли Церкви в жизни российского общества и государства. Слом системы тотального государственного контроля над РПЦ и отказ от государственной политики атеизма потребовали нормативно-правового оформления. Новое законодательство формировалось в секулярно-либеральной логике без учёта культурно-исторических особенностей становления российской государственности, что повлекло за собой угрозу секуляризации Церкви и окончательной диссоциации ослабленной постсоветской идентичности. Активная позиция Церкви и её

нынешнего предстоятеля Патриарха Кирилла, а также ряда депутатов Государственной Думы позволили скорректировать советское законодательство и обеспечить последовательный разворот российского государства от секулярно-либеральной формы государственно-церковных отношений к исторически органичной симфонической модели.

Ключевые слова: поздний СССР, государственно-церковные отношения, законодательство, Патриарх Кирилл, Русская Православная Церковь, симфония

Для цитирования: Руденко А. А. Изменение конфессиональной политики позднего СССР: причины и последствия // Ортодоксия. — 2025. — № 4. — С. 76–100. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-4-76-100

Год тысячелетия Крещения Руси положил символическое начало трансформации государственно-церковных отношений, ознаменовав собой завершение почти трёхвековой эпохи дисбаланса, оформившегося в синодальный и советский периоды. По словам Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, именно эта историческая дата стала «началом принципиального изменения отношения власти к Церкви и признания ею ошибочности политики, проводимой в отношении религии» (Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси 2019: 74). Парадоксально для секулярного, но промыслительно для религиозного сознания либерализация политической и общественной жизни, сопровождавшая центробежные процессы и скорый крах СССР, в дальнейшем послужила катализатором для обращения к исторической традиции и гармонизации государственно-церковных отношений в логике цивилизационно-исторического принципа «вызова-и-ответа» (Тойнби 2023). Накопленный за тысячу лет российской истории опыт приобщения к византийской («Ex Oriente lux») и западноевропейской («Ex Occidente lex») культурам стал той интегральной основой, на которой формировалась модель государственно-церковных отношений в постсоветский период. Базовые политические и нормативные изменения, послужившие фундаментом для формирования этой модели, произошли в течение нескольких лет до и после крушения СССР, в связи с чем представляет интерес их краткое описание.

Незадолго до юбилейного Поместного Собора, который прошёл с 6 по 9 июня 1988 года в Москве, на встрече с Патриархом Пименом и постоянными членами Синода 29 апреля 1988 года генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачёв впервые открыто признал ошибки, допущенные советской властью в отношении Русской Православной Церкви (далее — Церковь, РПЦ) и верующих¹. Подобная публичная риторика, ранее не свойственная первым лицам СССР, была не просто проявлением протокольного политаеса в преддверии масштабных торжеств — государство пошло на ряд послаблений в отношении Церкви. В 1988 году Совет по делам религий при Совете министров СССР снял запрет на участие духовенства в органах приходского управления, а также признал соответствие проекта Устава об управлении Русской Православной Церковью нормам гражданского законодательства². До начала официальных торжеств Церкви были возвращены Введенская Оптина пустынь, Толгский монастырь, экспроприированные святыни стали возвращаться в храмы и монастыри. Начался процесс возвращения Церкви мощей святых — святителя Феодосия Черниговского, преподобного Феодосия Тотемского, святителя Питирима Тамбовского (Цыпин 1997: 463).

В телеграмме М. С. Горбачёву от имени Поместного Собора 1988 года было отмечено «благожелательное отношение руководства» к духовным нуждам верующих (Телеграммы от имени Поместного Собора Русской Православной Церкви 1988: 19). Новый Устав (Принятие нового Устава Русской Православной Церкви 1988: 19–20), принятый Поместным Собором, также содержал важные по сравнению с Положением об управлении Русской Православной Церкви 1945 года изменения, которые свидетельствовали о постепенном ослаблении государственного давления и контроля. В частности, в новом Уставе была упразднена норма, в соответствии с которой Патриарх имел право созывать Поместный и Архиерейский Соборы только с разрешения правительства. Нормы нового Устава также не предписывали предстоятелю Церкви обязанность постоянно контактировать с Советом по делам религий при Совмине СССР.

Наметившиеся позитивные изменения в отношениях между государством и Церковью продолжились в 1989 году. Резонансными событиями стали торжественное перенесение мощей святого благоверного

¹ Поместный юбилейный Собор Русской Православной Церкви 1988 г. // Православная энциклопедия. — 2024. — 28 августа. — URL: <https://www.pravenc.ru/text/2581090.html> (дата обращения: 24.06.2025).

² Там же.

князя Александра Невского из ленинградского Музея истории религии и атеизма в Троицкий собор Александро-Невской лавры и возвращение мощей святителя Митрофана Воронежского в Покровский кафедральный собор Воронежа. По мнению А. Н. Кашеварова, публичность передачи мощей Церкви, широкое освещение в СМИ и проведение многолюдных крестных ходов ознаменовали собой реальные, а не декоративные сдвиги в отношениях между государством и Церковью (Кашеваров 2015: 112).

В том же 1989 году отношения между государством и Церковью, ранее бывшие в ведении отдела пропаганды ЦК КПСС, перешли в компетенцию отдела административных органов (Кашеваров 2015: 112). С одной стороны, этот шаг дистанцировал Церковь от гнёта идеологической догматики советского государства, с другой — поднимал вопрос о субъектности РПЦ и её административно-правовом статусе. Именно в этот период актуализировались исследования в области оценки положения религиозных организаций в СССР как субъектов советского права, поскольку прежние оценки В. А. Куроедова (Куроедов 1970, 1976), В. Г. Фурова (Фуров 1983), А. И. Барменкова (Барменков 1979), В. В. Ключкова (Ключков 1978) и Ю. А. Розенбаума (Розенбаум 1985) страдали излишней идеологизированностью, необоснованно утверждая превосходство советской правовой системы над таковыми в капиталистических государствах и странах Варшавского договора. Оппонирующая группа исследователей, представленная за рубежом диссидентами и западными советологами, апеллировала к апологетике «свободы совести» в условиях коммунистического режима (Марченко 2008: 169), но и их оценки несли на себе отпечаток идеологического догматизма.

Несмотря на отдельные рецидивы вмешательства государства в церковную жизнь и сохранение прежних форм контроля за церковной деятельностью по линии Совета по делам религий, к концу 80-х годов XX века сложились условия для пересмотра политики государственного атеизма и подавления роли Русской Православной Церкви в обществе. В правительственной телеграмме с соболезнованиями по случаю кончины патриарха Пимена председатель Совмина СССР Н. И. Рыжков назвал перемены в государственно-церковных отношениях «историческими» (Телеграммы соболезнования Священному Синоду Русской Православной Церкви 1990: 3). Однако интенции позднесоветской власти в отношении Церкви вряд ли можно назвать исторически детерминированными, поскольку ослабление госконтроля диктовалось не логикой тысячелетней исторической традиции, а политическими соображениями и общей для перестроечного времени секулярной апологетикой «свободы» и «демократизации».

Некоторые исследователи считают, что причиной изменения парадигмы государственно-церковных отношений были личные мотивы М. С. Горбачёва. Например, Г. Штриккер полагал, что М. С. Горбачёв формировал новую политику в отношении Церкви из-за недовольства населения нарастающим экономическим кризисом и отсутствия взаимопонимания с Политбюро, пытаясь расширить базу народной поддержки (Штриккер 1995: 195). Д. В. Поспеловский утверждал, что ослаблением давления на Церковь М. С. Горбачёв пытался заслужить лояльность интеллигенции (Поспеловский 1995: 387). Различные версии так или иначе сводятся к тому, что позднесоветские партийные лидеры и идеологи ослабили давление на Церковь именно в политических целях.

10 сентября 1985 года на заседании Секретариата ЦК КПСС рассматривался вопрос «О противодействии зарубежной клерикальной пропаганде в связи с 1000-летием введения христианства на Руси». В ходе совещания заведующий Отделом пропаганды ЦК КПСС А. Н. Яковлев, считавшийся вторым «брежневским» идеологом после М. А. Суслова секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин, председатель Совета по делам религий при Совмине СССР К. М. Харчев, будущий глава Совмина СССР Н. И. Рыжков были сосредоточены на вопросах идеологического противостояния с Западом. В преддверии грядущей церковной годовщины за рубежом готовилась к публикации десяти томная история РПЦ, был издан двухтомный труд профессора Д. В. Поспеловского, строился храм в честь святого равноапостольного князя Владимира в Джексоне (США), велась кампания по сбору средств для финансирования празднования юбилея, приглашались паломники для участия в торжествах. Эти и другие события вызывали опасения у советского руководства, поскольку могли быть использованы идеологическими противниками в качестве повода для критики положения религии в СССР. А. Н. Яковлев в ходе совещания заявил: «Не следует преувеличивать возможности влияния на население нашей страны зарубежной клерикальной пропаганды, но в то же время нельзя и недооценивать действия идеологического противника» (Маслова 2015: 46). Позднее, в январе 1986 года, в ЦК КПСС даже обсуждался вопрос «О некоторых мерах по противодействию клеветнической клерикальной зарубежной пропаганде в связи с 70-летием Великой Октябрьской социалистической революции». Участники сентябрьского совещания 1985 года видели необходимость в ослаблении атеистической пропаганды и более лояльном отношении к Церкви и верующим именно исходя из конъюнктурных политических соображений. Всё тот же Н. И. Рыжков, резюмируя дискуссию на сентябрьском совещании

1985 года, заявил: «С одной стороны, мы не можем недооценивать зарубежную клерикальную пропаганду и должны давать должный отпор враждебным акциям против нашей страны. С другой стороны, нужно проявить взвешенный подход, чтобы не привлекать к этому событию особого внимания» (Маслова 2015: 43–54).

Смягчение позиции государства в отношении Церкви не означало пересмотра мировоззренческих и идеологических установок партийной элиты. В 1987 году К. М. Харчев в аналитической записке для ЦК КПСС утверждал, что в общественном сознании прочно утвердилось материалистическое мировоззрение, а отход от религиозных взглядов будет развиваться как процесс эволюции сознания немногочисленной религиозной части общества, размывания религиозных ценностей (Маслова 2015: 43–54). Однако, несмотря на прогнозы председателя Совета по делам религий, интерес общества к религиозной тематике стремительно возрастал. Сам К. М. Харчев в докладе ЦК КПСС о религиозной ситуации в стране накануне юбилея отмечал, что подготовка к торжествам оживила жизнь Церкви, были отменены противоречащие законодательству требования местных органов власти об обязательном предъявлении паспортов родителями при крещении детей, запрещении колокольного звона, в «культовой практике» было заметно стремление подчеркнуть приоритет Церкви в формировании морально-нравственных ценностей (Шкаровский 2010).

Сложившаяся парадоксальная ситуация, когда политическое руководство оставалось на атеистических позициях и в то же время из политических соображений ослабляло давление на религиозные институты, привела к тому, что в стране произошли негативные структурные сдвиги в вероисповедальном и конфессиональном соотношениях. С 1985 по 1987 год в СССР было зарегистрировано 236 религиозных обществ, из которых к РПЦ принадлежали 29, в то время как, например, евангельские христиане-баптисты зарегистрировали 65, пятидесятники — 47, адвентисты седьмого дня — 30 (Шкаровский 2010).

Вынося за скобки мировоззренческие и идеологические установки К. М. Харчева, следует отдать должное ему и возглавляемому им Совету по делам религий, поскольку аналитическая работа ведомства позволила продемонстрировать высшему политическому руководству СССР не только сложившуюся в стране религиозную ситуацию, но и порождаемые ей угрозы. В частности, в представленной в феврале 1987 года в ЦК КПСС аналитической записке «О некоторых вопросах реализации политики партии в отношении религии и церкви на современном этапе»

К. М. Харчев констатировал опасность ослабления роли и влияния государства в религиозных вопросах и потенциальное нарушение морального единства общества. Логика председателя Совета по делам религий определялась партийными интересами, однако проделанная ведомством работа сподвигла государство на пересмотр отношений с Церковью, пусть пока в нормативной и институциональной, нежели содержательно-смысловой плоскости. Именно Совет в 1987 году предлагал руководству СССР пересмотреть законодательство о культах — признать за религиозными организациями юридическую субъектность, наделить правом вести «религиозную пропаганду», позволить верующим совершать религиозные обряды на дому и в больницах, родителям воспитывать детей в религиозном духе (Маслова 2005: 59–63).

Взрывной рост числа зарегистрированных новых общин (с 809 в 1988 году до 2564 в 1989 году (Шкаровский 2010) требовал нормативно-правового оформления. Прошедший с 9 по 11 октября 1989 года Архиерейский Собор выдвинул ряд положений, которые предлагал внести в разрабатываемый по указанию советского руководства закон «О свободе совести и религиозных организациях». В частности, Собор предлагал юридически признать Церковь как единую религиозную организацию и уравнивать её в правах с другими общественными организациями; предоставить равные права для религиозного и атеистического обучения, воспитания и пропаганды; предоставить возможность свободного издания и распространения религиозной литературы; дать Церкви доступ к СМИ; отменить дискриминационное налогообложение клира (Определения Архиерейского Собора 1990: 12).

Однако в опубликованном 5 июня 1990 года проекте закона предложения Архиерейского Собора не были учтены. В частности, одним из камней преткновения стал собственно правовой статус Церкви, поскольку в проекте закона, как и ранее, отсутствовало признание единой иерархической структуры Церкви, а церковная полнота была представлена лишь как объединение разрозненных «групп верующих» (общин). В Заявлении Поместного Собора РПЦ 1990 года в связи с публикацией проекта закона отмечалось, что непризнание юридических прав за Церковью в целом продолжало дискриминационную политику государства, отражённую в законодательстве о культах 1929 года. Собор указывал на то, что «это законодательство отражало враждебные по отношению к Церкви идеологические установки и было направлено на разрушение религиозных структур» (Заявление Поместного Собора Русской Православной Церкви

1990: 10). В терминологии А. В. Щипкова, проект закона закладывал основания для «секуляризации самой Церкви» (Щипков 2023: 148).

1 октября 1990 года Верховный Совет СССР принял Закон «О свободе совести и религиозных организациях»³. Вслед за союзным 25 октября 1990 года был принят Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий»⁴. Однако ни союзный, ни республиканский законы не учли озабоченности Поместного Собора 1990 года. Церкви так и не был предоставлен статус юридического лица как единой организации, что оставляло открытым вопрос о её административно-правовом статусе. Тем не менее в соответствии с новым законодательством (как союзным, так и республиканским) Церковь всё же получала ряд легитимных полномочий на участие в общественной жизни.

Одной из ключевых новелл союзного закона стало кардинальное изменение статуса «государственных органов по делам религий». Положения Главы VI нового закона фактически лишали властных полномочий Совет по делам религий при Совмине СССР, разрушая сложившуюся систему государственного подавления Церкви. Госорганы наделялись лишь информационной, консультативной и экспертной функциями. Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» ещё более радикально трактовал роль государства в отношениях с Церковью — положения ст. 8 Закона запрещали исполнительной власти создавать государственные органы по вопросам вероисповедания.

Новое законодательство потребовало внести изменения в Устав РПЦ, которые разрабатывались синодальной комиссией под руководством на тот момент митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла. Уже 30 мая 1991 года Патриарх Алексий II получил свидетельство о регистрации Гражданского устава Русской Православной Церкви.

Последовавшие вскоре политические процессы, приведшие к распаду СССР и образованию СНГ, окончательно демонтировали советскую систему тотального государственного контроля над Русской Православной Церковью. 4 сентября 1991 года был ликвидирован 4-й («церковный») отдел 5-го управления КГБ, а в декабре того же года упразднён союзный Совет по делам религий (Кашеваров 2015: 114).

³ Закон СССР от 1 октября 1990 г. № 1689-1 «О свободе совести и религиозных организациях» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. — 1990. — 10 октября. — № 41. — С. 813.

⁴ Закон РСФСР от 25 октября 1990 г. № 267-1 «О свободе вероисповеданий» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1990. — 25 октября. — № 21. — С. 240.

Таким образом, к моменту подписания Беловежских соглашений была оформлена первоначальная нормативно-правовая база, регламентировавшая правовой статус Русской Православной Церкви в постсоветской России, но не отражавшая её реальное культурно-историческое значение в жизни общества. Волна тотальной либерализации общественно-политической жизни привела к тому, что сложившаяся промежуточная модель обладала всеми признаками протестантской, когда государство максимально дистанцируется от религиозной сферы, изолируя при этом религиозные объединения от общественной жизни ради создания видимости их фактического равенства в отношениях с государством (Третьяков 2004). Позднее, осмысляя этот период, патриарх Кирилл вспоминал: «...в 1990-е так и не была преодолена догма об отделении Церкви не только от государства, но, по существу, и от общества. Многие пропагандисты новой, постсоветской идеологии негласно и неформально ратовали за то, чтобы Церковь продолжала оставаться в правовом гетто, сопротивлялись её социальной миссии» (Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси 2019: 24).

Тем не менее кардинальные сдвиги в государственно-церковных отношениях, пусть и продиктованные конъюнктурными мотивами позднесоветской власти, послужили основой для дальнейшего развития не только законодательной базы, но и содержательного осмысления роли Церкви в жизни государства и общества. Провозглашённая М. С. Горбачёвым в 1987 году политика «гласности» в том числе привела к тому, что празднование тысячелетия Крещения Руси получило широкий общественный резонанс несмотря на то, что ещё в 1981 году Совет по делам религий указал юбилейной синодальной комиссии под председательством Патриарха Пимена на «внутрицерковный» характер даты. Тактические манёвры политического руководства СССР в противостоянии с идеологическими противниками невольно стали катализатором обращения к многовековой традиции, пробудили глубинную народную религиозность, что лишний раз подтвердило пророческую правоту одного из столпов позднесоветской политики — 15 июня 1983 года на Пленуме ЦК КПСС генеральный секретарь Ю. В. Андропов заявил: «...если говорить откровенно, мы ещё до сих пор не изучили в должной степени общество, в котором живём и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности <...>, поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок» (Шубин 2008: 16).

Импульс позднесоветской либерализации позволил продолжить совершенствование законодательной базы, регламентирующей государственно-церковные отношения уже в постсоветской России. В частности, устранить недоработки республиканского закона «О свободе вероисповеданий», культурно-историческая стерильность которого не учитывала многовековую традицию, формировавшую не только взаимоотношения государства и Церкви, но и собственно российскую государственность. Стремление законодателя радикально отмежеваться от советского прошлого без опоры на собственную историческую традицию привело к тому, что оформленная правовой рамкой модель государственно-церковных отношений в большей степени соответствовала секулярному либеральному стандарту, нежели российским цивилизационным основаниям. Фиксируя абсолютную свободу совести, законодательство фактически рассматривало любую религиозную организацию «в качестве одного из субъектов рыночных отношений (наравне с обувной фабрикой или музеем)», что провоцировало «рождение суррогатных религиозных движений, с одной стороны, и криминализацию традиционных Церквей — с другой» (Щипков 2000).

Деидеологизация общественно-политического пространства, ценностно-нормативный вакуум (аномия) (Дюркгейм 1991) и дистанцирование государства от религиозной сферы под предлогом «религиозного плюрализма» быстро привели к негативным последствиям. В России начался стремительный рост числа как зарегистрированных, так и не легитимированных юридическим статусом религиозных объединений, в том числе деструктивных сект. За три года действия республиканского закона число зарегистрированных религиозных объединений возросло более чем в два раза (с 5,5 тыс. на 01.01.1991 г. до 11,01 тыс. на 01.01.1994 г.), ещё около 5 тыс. действовали без регистрации (Овсиенко, Одинцов, Трофимчук и др. 1996). При этом, по данным Н. В. Кривельской, общее число деструктивных религиозных организаций, действовавших на территории России в описываемый период, достигало 2,5 тыс. К началу 1996 года в России было официально зарегистрировано уже более 6 тыс. сект (Кривельская 1996). Приблизительная оценка общего количества адептов деструктивных религиозных организаций в России давала разброс цифр от 700 тыс. до 1 млн человек, включая членов мелких оккультных групп и оккультистов-одиночек (Кривельская 1999). Поэтому ещё в 1994 году Архиерейский Собор РПЦ призвал органы законодательной и исполнительной власти принять меры для «юридической

регламентации профессиональной деятельности иностранцев в области религии, а также правовой защиты личности и общества от тоталитарных псевдорелигиозных движений» (Послание Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 1994: 4).

С аксиологической точки зрения сложившаяся ситуация лишь усугубляла ценностно-нормативный хаос в постсоветском обществе. Идеократическая по определению А. С. Панарина (Панарин 2003) российская идентичность подвергалась очередному насильственному искажению. Декларируемая государством нейтральность в отношении религии обернулась безразличием и самоустранением власти от проблемы формирования мировоззренческих основ граждан (Королёва, Королёв, Мельниченко 2024). Позднее, в 2017 году, Патриарх Кирилл утверждал, что государство не может существовать без идейного стержня: «Сегодня разговор об идеологии и политических приоритетах не может быть оторван от размышлений о культурных и духовных основаниях нашего общества» (Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси 2018: 395).

Ценностная аномия в обществе и рост числа деструктивных религиозных организаций угрожали не только отдельным личностям, но и национальной безопасности и самой российской государственности, поскольку суверенитет государства неразрывно связан с суверенной системой ценностей (Багдасарян, Сильвестр (Лукашенко) 2022). Политическим осознанием этого факта стало Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (далее — Госдума РФ, ГД РФ) от 15 декабря 1996 года № 918-II ГД — обращение нижней палаты парламента к президенту Б. Н. Ельцину «об опасных последствиях воздействия некоторых религиозных организаций на здоровье общества, семьи, граждан России». Оно в резолютивной части прямо декларировало религиозную безопасность российского общества «приоритетом национальной безопасности наряду с военной, политической, экономической, экологической и социальной»⁵.

Недостатки закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» и порождённые им деструктивные социально-политические явления очевидно требовали разработки нового закона, который 19 сентября 1997 года был принят Госдумой РФ, 24 сентября одобрен Советом Федерации РФ, 26 сентября

⁵ Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 15 декабря 1996 г. № 918-II ГД «Об обращении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации “К Президенту Российской Федерации об опасных последствиях воздействия некоторых религиозных организаций на здоровье общества, семьи, граждан России”» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997. — 6 января. — № 1. — С. 52.

подписан президентом РФ Б. Н. Ельциным и вступил в силу⁶. Однако процесс его разработки и принятия вызвал жесточайшее сопротивление со стороны ряда западных государств и проводников их влияния в российской политической элите. Упомянутые в преамбуле закона особая роль православия в истории России, становлении её духовности и культуры, значимость христианства, ислама, буддизма и иудаизма в историческом наследии народов России, а также введение 15-летнего ценза для госрегистрации новых религиозных организаций означали не только возведение барьера на пути бесконтрольного иностранного вмешательства в российское аксиологическое поле, но и отказ от исторической амнезии с перспективой обращения к тысячелетней традиции и суверенным ценностным основаниям. Преамбула закона, не имея статуса юридической нормы, имплицитно содержала основания для ценностной суверенизации.

Попытка суверенного культурно-исторического и ценностного самоопределения России привела к грубому политическому давлению на Президента России Б. Н. Ельцина со стороны президента США Билла Клинтона, папы Римского Иоанна Павла II, американских сенаторов и либеральных российских правозащитников. В результате развёрнутой международной информационно-политической кампании 24 июля 1997 года Президент РФ ветоировал принятый Госдумой РФ законопроект, оставив возможность его доработки.

Наиболее ожесточённая полемика развернулась вокруг уже упомянутого выше текста преамбулы законопроекта. Против формулировки была организована масштабная кампания в СМИ, текст подвергался критике со стороны либеральных политических сил, общественников и правозащитников. В ответ на волну медийного негатива, нередко безапелляционного и агрессивного, Патриарх Алексий II выражал искреннее недоумение: «Я удивляюсь нашим журналистам. Они же все русские люди! Они должны думать о России, исходя из исторической справедливости. А православие сыграло огромную роль в становлении государства российского»⁷.

Кульминацией идеологического противостояния вокруг текста преамбулы стала личная встреча 21 августа 1997 года автора текста, на тот момент митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, с заместителем руководителя Администрации Президента

⁶ Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Российская газета. — 1997. — 1 октября. — № 190.

⁷ Гавриков В. «Патриарх Алексий Второй: "Разрушенные храмы — как наши разрушенные души"» // Журнал «Профиль». — 1997. — 29 сентября. — № 35. — С. 10–12.

РФ, полномочным представителем Президента РФ в Конституционном суде РФ С. М. Шахраем. Администрация Президента оказывала давление на Московскую Патриархию: С. М. Шахрай предложил митрополиту Кириллу исправить формулировку преамбулы на нейтральную, исключив упоминание об особой роли православия, а также о значимости христианства, ислама, буддизма и иудаизма в историческом наследии народов России. В разгар напряжённой дискуссии С. М. Шахрай получил известие о кончине Ю. В. Никулина и удалился из кабинета под предлогом необходимости составить текст соболезнования родным актёра от лица Президента. Впоследствии митрополит Кирилл, уже будучи в патриаршем достоинстве, рассказывал, что остался в кабинете один, подошёл к окну и, увидев из него Успенский собор Кремля, вспомнил, что более полутора тысяч лет назад русские люди во главе с великим князем московским Василием Тёмным с позором изгнали из него последнего из назначенных Константинополем митрополита Исидора за предательство православной веры. Именно в этот момент, молитвенно испрашивая помощи Божией, он принял твёрдое решение не уступить ни одного слова из формулировки преамбулы. К удивлению митрополита, вернувшийся в кабинет С. М. Шахрай внезапно и без всяких оговорок предложил оставить первоначальный текст преамбулы без изменений. По словам А. В. Щипкова, описанная ситуация разрешилась в пользу исторической справедливости, которая в том числе подразумевает защиту веры отцов⁸.

Рабочая группа из членов Совета при Президенте РФ по взаимодействию с религиозными объединениями, в которую также входил на тот момент председатель ОВЦС митрополит Кирилл, внесла в 14 статей законопроекта 37 изменений («25 лет...» 2015: 73). Священный Синод РПЦ с одобрением высказался о новой редакции: «Эти поправки никоим образом не противоречат ранее высказанной позиции Русской Православной Церкви. Сохраняя в неприкосновенности основу закона, они одновременно позволяют достичь согласия по рассматриваемому вопросу между ветвями государственной власти, что послужит укреплению гражданского мира в обществе в нынешнее непростое время»⁹.

В том же 1997 году обеспокоенность нижней палаты парламента, высказанная в Постановлении ГД РФ от 15 декабря 1996 года №

⁸ Щипков 240. «История одной преамбулы» // Передача «Щипков» на телеканале «СПАС». — 2022. — 23 октября. — URL: <https://spastv.ru/istoriya-odnoj-preambuly-shhipkov-240/> (дата обращения: 02.09.2025).

⁹ Заявление Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Священного Синода Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. — 1997. — № 11. — С. 12.

918-П ГД, нашла своё отражение в Концепции национальной безопасности Российской Федерации (далее — Концепция) — первом политическом документе федерального уровня, в котором государство официально излагало свои взгляды на проблемы безопасности личности, общества и государства. Носившая в силу особенностей политической эпохи преимущественно секулярно-либеральный характер, Концепция 1997 года в разделе IV «Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации» всё же констатировала «разрушительную роль различного рода религиозных сект, наносящих значительный ущерб духовной жизни российского общества, представляющих собой прямую опасность для жизни и здоровья граждан России и зачастую используемых для прикрытия противоправной деятельности»¹⁰. При этом в документе в развитие ключевой идеи преамбулы Федерального закона № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» подчёркивалась важнейшая роль Русской Православной Церкви в сохранении традиционных духовных ценностей.

Таким образом, в 1997 году, несмотря на активное противодействие западных политических элит и либерально настроенной части российского общества, была оформлена нормативно-правовая база, легитимировавшая правовой статус РПЦ и регламентировавшая её взаимоотношения с государством. Закон задал нормативную рамку для деятельности Церкви и сформулировал принципы государственно-церковных отношений, а его широкое обсуждение «повлияло на восприятие религии и на дискурс о религиозной идентичности и её месте в иерархии идентичностей и ценностей» (Казьмина 2019: 33). К концу 1990-х годов нормативная база в религиозной сфере составила более ста законов и подзаконных актов, между государством и Церковью было подписано множество договоров и соглашений о сотрудничестве на региональном и федеральном уровнях. Корпус государственных нормативных актов — статей Конституции, федеральных законов, подзаконных актов, соглашений и договоров органично дополнился общецерковным взглядом на вопросы государственно-церковных отношений и проблемы современного секуляризированного общества — Основами социальной концепции Русской Православной Церкви¹¹. При этом разработка как нормативно-правовой базы, так и церковных

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 17.12.1997 г. № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. — 1997. — 26 декабря. — № 247.

¹¹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Патриархия.ру : Официальный сайт Московского Патриархата. — 2008. — 9 июня. — URL: <https://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 14.07.2025).

документов велась сторонами не изолированно, а в диалогическом сотрудничестве. Это само по себе возвращало государственно-церковные отношения к принципу «симфонии» — обоюдному сотрудничеству, взаимной поддержке и взаимной ответственности без вторжения одной стороны в сферу исключительной компетенции другой (Цыпин 2009).

Несмотря на то что общественный запрос на восстановление симфонических отношений государства и Церкви возник далеко не сразу после отката от атеистической идеологии, правовые основы были заложены в конце 1980-х — начале 1990-х годов. В частности, конституционный принцип отделения Церкви от государства, изложенный в ч. 2 ст. 14 Конституции РФ¹², фактически завершал эпоху трёхсотлетнего дисбаланса, сложившегося в синодальный и советский периоды. При этом важно отметить, что в процессе государственного и социального строительства политическое руководство страны быстро осознало губительность секулярно-либеральной трактовки этого принципа (как самоустранения от религиозной жизни общества), в результате чего религиозная безопасность стала рассматриваться как неотъемлемый элемент национальной безопасности.

Раскрытие этого принципа в ст. 4 Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях», его богословское осмысление в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви и толкования Конституционного суда Российской Федерации позволяют избавиться от негативных коннотаций, связанных с понятием «отделение», которые отсылают к Декрету СНК от 23 января 1918 года «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». Сегодня следует говорить скорее о «разграничении» сфер компетенции и ответственности, «невмешательстве» во внутренние дела сторон исходя из различия их природ, целей и средств достижения. В этом смысле сложившаяся модель государственно-церковных отношений ближе к симфоническому идеалу императора Юстиниана (Карташёв 2002) и позволяет говорить не о теократическом государстве, а о суверенном прочтении принципа светскости как взаимного служения общим основаниям организации и духовно-культурного воспроизводства российского общества (Нефедовский 2022). Неслучайно в 14-ю годовщину своей интронизации Патриарх Кирилл дал следующую характеристику государственно-церковным отношениям: «Сегодня Русская Православная Церковь существует в уникальных условиях — действительно гармония

¹² Конституция Российской Федерации // Официальный сайт президента России. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 17.07.2025).

в отношении светского и церковного при полном сохранении автономии, невмешательства, и одновременно при общем осознании важности взаимодействия всех сил общества, государства и Церкви для того, чтобы страна наша продолжала тот подлинно независимый от центров мировой власти курс, которым она мужественно продвигается вперёд»¹³.

На рубеже 80–90-х годов XX века тектонические изменения в общественно-политической жизни СССР привели к существенному ослаблению тотального государственного контроля над Русской Православной Церковью. Мотивы, которыми руководствовалась позднесоветская власть в отношении Церкви, были продиктованы политической конъюнктурой. Грядущий тысячелетний юбилей Крещения Руси политическое руководство СССР воспринимало как повод, которым пользовались идеологические противники на Западе с целью дискредитации советского руководства. И если в 1943 году у «сталинской оттепели» на фоне экзистенциальной угрозы помимо внешнеполитических были глубокие историко-культурные и аксиологические причины, побудившие политическое руководство при помощи Церкви апеллировать к религиозным основаниям русской идентичности и народного духа, то в позднесоветскую эпоху ослабление госконтроля носило демонстративно-идеологический характер, направленный скорее вовне — перестроечная логика вынуждала соответствовать «общепринятым демократическим стандартам». Мировоззренчески оставаясь на материалистических позициях, советское руководство собственноручно расшатало фундамент здания государственной атеистической идеологии. Принятые в 1990 году союзный и республиканский законы «О свободе совести и религиозных организациях» и «О свободе вероисповеданий» легитимировали отказ от политики государственного атеизма, а также окончательно демонтировали систему государственного подавления Церкви, став отправной точкой для выстраивания современной модели государственно-церковных отношений.

В первые постсоветские годы трансформация и нормативное оформление государственно-церковных отношений проходили в секулярно-либеральной логике без учёта цивилизационных особенностей их становления и развития. Культурно-историческая стерильность нового

¹³ Патриарх Кирилл назвал уникальными нынешние отношения РПЦ и государства // ТАСС. — 2023. — 1 февраля. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/16935345> (дата обращения: 17.07.2025).

законодательства создала предпосылки для хаотизации российского аксиологического поля за счёт фактически бесконтрольного распространения в стране чуждых религиозных учений, в том числе сектантского толка. В кратчайшей перспективе сложившаяся ситуация грозила окончательной диссоциацией и без того размытой постсоветской идентичности, переходя в разряд вопросов национальной безопасности. Активная позиция РПЦ и ряда депутатов Государственной Думы РФ ускорила процесс разработки и принятия в 1997 году нового федерального закона № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», несмотря на ожесточённое сопротивление западной политической элиты при поддержке Римско-католической церкви. Упоминание в преамбуле закона особой роли православия и традиционных религий в формировании общероссийской идентичности стало одним из первых шагов на пути ценностной суверенизации постсоветской России в русле исторической традиции. Ключевую роль в создании и сохранении текста преамбулы сыграл митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Смысловая доминанта преамбулы № 125-ФЗ нашла своё отражение и развитие в Концепции национальной безопасности, впервые принятой в постсоветской России также в 1997 году. Практически одновременно с разработкой и принятием нового федерального законодательства Русская Православная Церковь в диалоге с государством и обществом выработала общецерковный взгляд на вопросы государственно-церковных отношений и проблемы современного секуляризированного общества — Основы социальной концепции Русской Православной Церкви (2000). Опираясь на многовековую религиозную, философскую, историко-культурную и нравственную традицию, Церковь соборно выработала суверенный взгляд на вызовы современности, предложив альтернативу секулярно-либеральным общественно-политическим моделям и клише.

Таким образом, к началу второго тысячелетия в России была оформлена нормативно-правовая база для гармонизации государственно-церковных отношений. Основные принципы разграничения сфер компетенции и ответственности и благожелательного невмешательства во внутренние дела сторон позволили завершить 300-летнюю эпоху дисбаланса в государственно-церковных отношениях и приступить к устранению деструктивных последствий тяжёлого разрыва исторической традиции. Последовательное возвращение к симфонической модели взаимодействия государства и Церкви в дальнейшем послужило стимулом и основой для суверенизации стратегического политического мышления в сфере национальной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Багдасарян В. Э., Сильвестр (Лукашенко), архим. Традиционные ценности: стратегия цивилизационного возрождения. — Ярославль : ООО «СПК», 2022. — 256 с.

Барменков А. И. Свобода совести в СССР. — М. : Мысль, 1979. — 223 с.

Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние) / Овсиенко Ф. Г., Одинцов М. И., Трофимчук Н. А. и др. — М. : РАГС, 1996. — 252 с.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. — М. : Наука, 1991. — 575 с.

Заявление Поместного Собора Русской Православной Церкви в связи с публикацией проекта Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» // Журнал Московской Патриархии. — 1990. — № 9. — С. 9–11.

«25 лет по пути свободы совести»: материалы научно-практической конференции. — М. : Юрист, 2015. — 246 с.

Кашеваров А. Н. Государственно-церковные отношения в период Перестройки 1985–1991 годов // Terra Linguistica. — 2015. — № 1. — С. 109–115.

Казьмина О. Е. Русская Православная Церковь и новая религиозная ситуация в современной России (Этноконфессиональная составляющая проблемы). Автореф. дис. д-ра ист. наук: 12.10.2007. — МГУ им. М. В. Ломоносова. — М., 2007. — 48 с.

Карташёв А. В. Вселенские Соборы. — Клин : Фонд «Христианская жизнь», 2002. — 686 с.

Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Диалог с историей / послесл. А. В. Щипкова. — М. : Абрис, 2019. — 240 с.

Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Мысли. Высказывания. Суждения / сост. А. В. Щипков. — М. : Русская экспертная школа, 2018. — 432 с.

Клочков В. В. Религия, государство и право. — М. : Мысль, 1978. — 287 с.

Клочков В. В. Закон и религия: от государственной религии в России к свободе совести в СССР. — М. : Изд-во политической литературы, 1982. — 160 с.

Кривельская Н. В. Секта: угроза и поиск защиты. — М. : Благовест, 1999. — 272 с.

Кривельская Н. В. О социально-медицинских последствиях воздействия некоторых религиозных организаций на здоровье лич-

ности, семьи, общества и мерах обеспечения помощи пострадавшим // Аналитический вестник / Федеральное Собрание — Парламент Российской Федерации: Аналитическое управление. Серия: «Оборона и безопасность — 8». — 1996. — 27 ноября. — Вып. 28. — С. 1–20.

Куроедов В. А. Религия и закон. — М. : Знание, 1970. — 60 с.

Куроедов В. А. Советское государство и церковь. — М. : Знание, 1976. — 79 с.

Марченко А. Н. Государственно-церковные отношения в СССР в трудах светских и церковных исследователей XX — начала XXI века // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 15. — С. 164–177.

Маслова И. И. Государственно-конфессиональная политика в СССР: поворот курса в 1985–1988 гг. // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2015. — № 4 (36). — С. 43–54.

Маслова И. И. Совет по делам религий при Совете Министров СССР и Русская Православная Церковь (1965–1991 гг.) // Отечественная история. — 2005. — № 6. — С. 52–65.

Нефедовский Г. В. Византийская идея симфонии властей в государственной-правовой мысли России: монография. — М. : НИИ ИЭП, 2022. — 200 с.

Определения Архиерейского Собора // Журнал Московской Патриархии. — 1990. — № 1. — С. 10–12.

Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. — М. : Эксмо, 2003. — 544 с.

Послание Архиерейского Собора Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. — 1994. — № 11–12.

Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. — М. : Республика, 1995. — 511 с.

Принятие нового Устава Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. — 1988. — № 9. — С. 19–20.

Розенбаум Ю. А. Советское государство и церковь. — М. : Наука, 1985. — 174 с.

Русская Православная Церковь в России в конце XX века: монография / Л. А. Королёва, А. А. Королёв, О. В. Мельниченко. — М. : ИНФРА-М, 2024. — 223 с.

Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер. — М. : Пропиелеи, 1995. — 400 с.

Телеграммы от имени Поместного Собора Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. — 1988. — № 8. — С. 19–20.

Телеграммы соболезнования Священному Синоду Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. — 1990. — № 7. — С. 3–4.

Тойнби А. Дж. Постижение истории. — М. : Академический проект, 2023. — 358 с.

Третьяков А. В. Политико-правовые отношения Российского государства и Русской Православной Церкви: дис. канд. полит. наук: 23.00.02 / Гос. ун-т упр. — М., 2004. — 234 с.

Фуров В. Г. Буржуазные конституции и свобода совести. — М. : Политиздат, 1983. — 96 с.

Цыпин В., прот. История Русской Церкви. 1917–1997. — М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. — 831 с.

Цыпин В., прот. Каноническое право. — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2009. — 862 с.

Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. — М. : Вече, 2010. — 480 с.

Шубин А. В. Золотая осень, или Период застоя. СССР в 1975–1985 гг. — М. : Вече, 2008. — 352 с.

Щипков А. В. Теология и политика. Попытки политического подчинения Церкви // Современная Европа. — 2023. — № 3. — С. 143–151.

Щипков А. В. Церковно-общественные отношения и проблемы государственного регулирования // Исторический вестник. [Москва, Воронеж]. — 2000. — № 5–6 (9–10). — С. 81–86.

Сведения об авторе:

Андрей Анатольевич Руденко — старший преподаватель кафедры богословия богословского факультета, Российский православный университет святого Иоанна Богослова, 127051, г. Москва, Крапивинский пер., д. 4, e-mail: dromaderina@yandex.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 10.11.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 20.11.2025.

A. A. Rudenko

RUSSIAN ORTHODOX UNIVERSITY OF SAINT JOHN THE DIVINE,
MOSCOW, RUSSIA

Transformation of Confessional Policy in the Late Soviet Union: Causes and Consequences

Abstract. This article analyzes the transformation of state confessional policy in the late Soviet Union, examining its causes and consequences. Drawing on archival materials, it demonstrates significant shifts in state–church relations that occurred on the eve of the millennium of the Christianization of Rus' and in the period following the official celebrations. The analysis shows that the weakening of state pressure on the Church was largely driven by the political considerations of the Soviet leadership. However, the liberalization of state–church relations initiated in the late 1980s became the foundation for a fundamental reassessment of the role of the Church in the life of Russian society and the state. The dismantling of the system of total state control over the Russian Orthodox Church and the abandonment of state atheism required formal legal regulation. New legislation was developed within a secular and liberal framework, without sufficient regard for the cultural

and historical specifics of Russian state formation. This, in turn, created the risk of further secularization of the Church and the deepening fragmentation of a weakened post-Soviet identity. The active stance of the Church, its current Primate Patriarch Kirill, and a number of deputies of the State Duma made it possible to revise Soviet-era legislation and to ensure a gradual shift in the Russian state's approach: from a secular-liberal model of state–church relations toward a historically rooted symphonic model.

Keywords: late Soviet Union, state–church relations, legislation, Patriarch Kirill, Russian Orthodox Church, symphonia

For citation: Rudenko, A. A. (2025). Transformation of Confessional Policy in the Late Soviet Union: Causes and Consequences. *Orthodoxia*, (4), 76–100. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-4-76-100

REFERENCES:

Bagdasaryan, V. E., Sylvester (Lukashenko), archim. (2022). *Traditsionnye tsennosti: strategiya tsivilizatsionnogo vozrozhdeniya* [Traditional Values: A Strategy for Civilizational Revival]. Yaroslavl : OOO “SPK”. [In Russian].

Barmenkov, A. I. (1979). *Svoboda sovesti v SSSR* [Freedom of Conscience in the USSR]. Moscow : Mysl'. [In Russian].

Durkheim, É. (1991). *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [The Division of Labour in Society]. Moscow : Nauka. [In Russian].

Furov, V. G. (1983). *Burzhuaznye konstitutsii i svoboda sovesti* [Bourgeois Constitutions and Freedom of Conscience]. Moscow : Politizdat. [In Russian].

Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v Rossii (opyt proshlogo i sovremennoe sostoyanie) [State-Church Relations in Russia: Past Experience and Current State]. (1996). Moscow : RAGS. [In Russian].

Kaz'mina, O. E. (2007). *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i novaya religioznaya situatsiya v sovremennoy Rossii (Etnokonfessional'naya sostavlyayushchaya problema)* [The Russian Orthodox Church and the New Religious Situation in Contemporary Russia (The Ethno-Confessional

Dimension of the Problem)) [Abstract of Dissertation of Doctor of Historical Sciences. Lomonosov Moscow State University]. Moscow. [In Russian].

Kartashev, A. V. (2002). Vselenskie Sobory [Ecumenical Councils]. Klin : Fond "Khristianskaya zhizn". [In Russian].

Klochkov, V. V. (1978). Religiya, gosudarstvo i pravo [Religion, State and Law]. Moscow : Mysl'. [In Russian].

Klochkov, V. V. (1982). Zakon i religiia: ot gosudarstvennoi religii v Rossii k svobode sovesti v SSSR [Law and Religion: From State Religion in Russia to Freedom of Conscience in the USSR]. Moscow : Izd-vo politicheskoi literatury. [In Russian].

Krivelskaya, N. V. (1996). O sotsial'no-meditsinskikh posledstviyakh vozdeystviya nekotorykh religioznykh organizatsiy na zdorov'e lichnosti, sem'i, obshchestva i merakh obespecheniya pomoshchi postradavshim [On the Socio-Medical Consequences of the Impact of Certain Religious Organizations on the Health of the Individual, Family, and Society, and Measures to Provide Assistance to Victims]. *Analiticheskiy vestnik, Seriya: "Oborona i bezopasnost"*, 8(28), 1–20. Federal'noe Sobranie — Parlament Rossiyskoy Federatsii: Analiticheskoe upravlenie [Federal Assembly — Parliament of the Russian Federation: Analytical Department]. [In Russian].

Krivelskaya, N. V. (1999). Sekta: ugroza i poisk zashchity [The Sect: Threat and the Search for Protection]. Moscow : Blagovest. [In Russian].

Kuroedov, V. A. (1970). Religiia i zakon [Religion and Law]. Moscow : Znanie. [In Russian].

Kuroedov, V. A. (1976). Sovetskoe gosudarstvo i tserkov' [The Soviet State and the Church]. Moscow : Znanie. [In Russian].

Marchenko, A. N. (2008). Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniia v SSSR v trudakh svetskikh i tserkovnykh issledovatelei XX — nachala XXI veka [State-Church Relations in the USSR in the Works of Secular and Ecclesiastical Researchers of the 20th — Early 21st Centuries]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 15, 164–177. [In Russian].

Maslova, I. I. (2005). Sovet po delam religii pri Sovete Ministrov SSSR i Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' (1965–1991 gg.) [The Council for Religious Affairs Under the Council of Ministers of the USSR and the Russian Orthodox Church (1965–1991)]. *Otechestvennaya istoriya*, 6, 52–65. [In Russian].

Maslova, I. I. (2015). Gosudarstvenno-konfessional'naiia politika v SSSR: povорот kursа v 1985–1988 gg. [State-Confessional Policy in the USSR: A Change of Course in 1985–1988]. *Izvestiia VUZov. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki* [University Proceedings. Volga Region. Humanities], 4 (36), 43–54. [In Russian].

Nefedovskiy, G. V. (2022). Vizantiyskaya ideya simfonii vlastey v gosudarstvenno-pravovoy mysli Rossii: monografiya [The Byzantine

Idea of the Symphony of Powers in the State-Legal Thought of Russia: Monograph]. Moscow : NII IEP. [In Russian].

Opredeleniia Arkhiereiskogo Sobora [Resolutions of the Bishops' Council]. (1990). *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii*, 1, 10–12. [In Russian].

Panarin, A. S. (2003). *Pravoslavnaia tsivilizatsiia v global'nom mire* [The Orthodox Civilization in the Global World]. Moscow : Eksmo. [In Russian].

Poslanie Arkhiereiskogo Sobora Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi [Message of the Bishops' Council of the Russian Orthodox Church]. (1994). *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii*, 11–12. [In Russian].

Pospelovskiy, D. V. (1995). *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX veke* [The Russian Orthodox Church in the 20th Century]. Moscow : Respublika. [In Russian].

Prinyatie novogo Ustava Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi [Adoption of the New Charter of the Russian Orthodox Church]. (1988). *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii*, 9, 19–20. [In Russian].

Rozenbaum, Yu. A. (1985). *Sovetskoe gosudarstvo i tserkov'* [The Soviet State and the Church]. Moscow : Nauka. [In Russian].

Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v Rossii v kontse XX veka: monografiya [The Russian Orthodox Church in Russia at the End of the 20th Century: A Monograph]. (2024). Moscow : INFRA-M. [In Russian].

Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v sovetskoe vremya (1917–1991). Materialy i dokumenty po istorii otnosheniy mezhdu gosudarstvom i Tserkov'yu [The Russian Orthodox Church in the Soviet Period (1917–1991). Materials and Documents on the History of Relations between the State and the Church]. (1995). Moscow : Propilei. [In Russian].

Shkarovskiy, M. V. (2010). *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v XX veke* [The Russian Orthodox Church in the 20th Century]. Moscow : Veche. [In Russian].

Shubin, A. V. (2008). *Zolotaya osen', ili Period zastoya. SSSR v 1975–1985 gg.* [The Golden Autumn, or the Period of Stagnation. The USSR in 1975–1985]. Moscow : Veche. [In Russian].

Shchipkov, A. V. (2000). *Tserkovno-obshchestvennye otnosheniya i problemy gosudarstvennogo regulirovaniya* [Church-Public Relations and Issues of State Regulation]. *Istoricheskiiy vestnik*, 5–6, 9–10. [In Russian].

Shchipkov, A. V. (2023). *Teologia i politika. Popytki politicheskogo podchineniya Tserkvi* [Theology and Politics. Political Attempts to Subordinate the Church]. *Sovremennaya Evropa*, 3, 143–151. [In Russian].

Telegrammy ot imeni Pomestnogo Sobora Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi [Telegrams on Behalf of the Local Council of the Russian Orthodox Church]. (1988). *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii*, 8, 19–20. [In Russian].

Telegrammy soboleznovaniya Svyashchennomu Sinodu Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi [Telegrams of Condolence to the Holy Synod of the Russian Orthodox Church]. (1990). *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii*, 7, 3–4. [In Russian].

Tret'yakov, A. V. (2004). *Politiko-pravovye otnosheniya Rossiyskogo gosudarstva i Russkoy Pravoslavnoy* [Political and Legal Relations between the Russian State and the Russian Orthodox Church] [Dissertation of Candidate of Political Sciences. The State University of Management]. Moscow. [In Russian].

Toynbee, A. J. (2023). *Postizhenie istorii* [A Study of History]. Moscow : Akademicheskii proekt. [In Russian].

Tsy-pin, V., arhiprb. (1997). *Istoriya Russkoy Tserkvi. 1917–1997* [History of the Russian Church. 1917–1997]. Moscow : Izd-vo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya. [In Russian].

Tsy-pin, V., arhiprb. (2009). *Kanonicheskoe pravo* [Canon Law]. Moscow : Izd-vo Sretenskogo monastyrya. [In Russian].

“25 let po puti svobody sovesti”: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii [“25 Years on the Path of Freedom of Conscience”: Proceedings of the Scientific and Practical Conference]. (2015). Moscow : Yurist. [In Russian].

Zayavlenie Pomestnogo Sobora Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v svyazi s publikatsiyey proekta Zakona SSSR “O svobode sovesti i religioznykh organizatsiyakh” [Statement of the Local Council of the Russian Orthodox Church Regarding the Publication of the Draft USSR Law “On Freedom of Conscience and Religious Organizations”]. (1990). *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii*, (9), 9–11. [In Russian].

About the author:

Andrey Anatolyevich Rudenko — Senior Lecturer at the Department of Theology, Faculty of Theology, Russian Orthodox University of Saint John the Theologian, Lomonosov Moscow State University, 4, Krapivensky pereulok, Moscow, Russia, 127051, e-mail: dromaderina@yandex.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 10.11.2025; approved after reviewing 15.11.2025; accepted for publication 20.11.2025.